

Глава 9 НАКАНУНЕ

Празднование Нового года. — Непроизнесенная речь князя Львова. — Угроза роспуска Думы. — Обращение либералов к союзникам. — Вмешательство лорда Милнера. — Конфликт не разрешен. — Рабочий класс, революционеры и полиция накануне февральских событий. — Изоляция государя и генералитет. — Возвращение генерала Алексева и государя в Ставку.

§ 1. Празднование Нового года.

1 января 1917 года, как всегда, по всей России шли официальные новогодние приемы, чиновники поздравляли начальство. В этот день случилось два чрезвычайно политически характерных инцидента. Первый — в Зимнем дворце в Петрограде, второй, почти одновременно, — во дворце наместника в Тифлисе.

В Зимнем дворце произошло столкновение между министром внутренних дел Протопоповым и председателем Думы Родзянко. Когда Протопопов подходил к Родзянко, явно намереваясь обменяться с ним рукопожатием, Родзянко резким окриком остановил его¹. Это была намеренная грубость, имевшая политическую подоплеку. Все хорошо знали, что Протопопов получил назначение благодаря рекомендации Родзянко и что до того, как в сентябре 1916 года Протопопов стал министром, в бытность его товарищем председателя Думы, отношения между ним и Родзянко были самые сердечные. После назначения Протопопов пытался сохранить добрые отношения со своими коллегами по Думе. Сначала назначение Протопопова рассматривалось в думских кругах как уступка государя Прогрессивному блоку, но как только стало ясно, что Протопопов переметнулся на другую сторону и в новом своем качестве не станет поддерживать требований, касающихся проведения конституционных реформ, Протопопов стал для «прогрессивных сил» врагом номер один.

Отвергнутый бывшими друзьями, ослепленный успехом у царской четы, Протопопов решил, как будто, использовать значительную власть, которой он был облечен в качестве министра внутренних дел, на то, чтобы противостоять попыткам либералов сломить волю монарха. Но для этого требовалось больше опыта в таком щекотливом деле, как использование тайной полиции, чем было у Протопопова. Следовало четко установить границы репрессий и неукоснительно проводить их, следовало укрепить авторитет полиции, сильно скомпрометированный после убийства Распутина. Но Протопопов прекрасно знал, что после этого убийства престиж полиции пал в глазах царя чрезвычайно низко, и потому не решался поддерживать ее, боясь

лишиться царского благоволения. Взамен он встал в позу верного слуги, для которого преданность монарху есть патриотический и религиозный долг. Простодушная народная вера скорее спасет империю, престол и династию, проповедовал Протопопов, чем продуманные маневры искушенной полиции. Такая интерпретация проблемы особенно нравилась императрице, которую совершенно ошеломило убийство Распутина. Дикий страх сменялся в ней судорожной надеждой, отчаяние — настойчивым самовнушением. Так Протопопов сделался доверенным лицом императрицы.

Есть ссылки на то, что доверие, которое по отношению к министру внутренних дел испытывала императрица, разделялось также и государем. Однако незадолго до убийства Распутина он писал жене о том смешанном впечатлении, которое производил на него Протопопов. Наблюдая Протопопова во время одной из аудиенций в Ставке, царь нашел, что тот «перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения», он сомневался даже, не есть ли это следствие известной болезни, от которой некоторое время назад Протопопов, по слухам, лечился у Бадмаева². Эта оговорка, тем не менее, никаких последствий не имела. Чем больше царская чета отдалялась после убийства Распутина от ближайших родственников и членов царствующего дома, тем незаменимее становился во дворце Протопопов в качестве советчика, поставщика сведений и исполнителя замыслов государыни.

При этом полный крах потерпели попытки поддерживать хотя бы внешне сносные отношения с прежними коллегами по Думе. Протопопов вел себя чрезвычайно вызывающе, выставляя напоказ душевную преданность царской чете и нажимая на верноподданнический характер своих чувств. По отношению к Думе, которая как раз настаивала, что исполнительная власть должна быть ответственна перед законодательным собранием и народом и не может подчиняться одному лишь произволу монарха, все это выглядело чистой провокацией. Протопопов же умудрился своим фиглярничаньем еще подлить масла в огонь — он приказал сшить себе жандармский мундир и в этом мундире явился на встречу с членами Думы.

И вот, после последней неудачной попытки прийти хоть к какому-то взаимопониманию с прежними союзниками по Думе³, Протопопов стал для либералов тем средоточием зла, которое ранее воплощал собою Распутин. Более того, явная несостоятельность в качестве главы важного и сложного министерства, отсутствие политического такта лишили Протопопова расположения его коллег в Совете министров. И до, и после января 1917 года царю подавались докладные записки и петиции с просьбой об отставке Протопопова. Сцена в Зимнем дворце показала, что

либералы заняли по отношению к нему непримиримую позицию. Его присутствие в Совете министров стало предметом разногласий между царем и Думой, причем ни одна сторона не намерена была уступить⁴.

Близилось время открытия очередной сессии Государственной Думы, и коллеги Протопопова по Совету министров постепенно убеждались, что Протопопов стал для режима политической обузой. Стало очевидно, что он не только не следует твердому охранительному курсу, как делали это летом 1915 года Маклаков и Щегловитов, а играет скорее роль придворного дилетанта, эксплуатируя отчаянное состояние царицы и пытаясь установить между собой и ею род мистического союза, основанного на культе Распутина. Министры начали кампанию против него, одновременно сыпались обвинения в Думе. Но теперь между правительством и лидерами Прогрессивного блока не было существовавших в августе 1915 года контактов, и Дума понятия не имела об отчаянных усилиях кабинета избавиться от Протопопова. 26 декабря 1916 года место Трепова занял новый премьер, кн. Голицын, императрица особенно его любила и доверяла ему. В конце концов он решился поговорить и с царем, и с царицей о необходимости убрать Протопопова. От государыни он ответа не получил, она была недовольна его вмешательством. Через два дня, 16 февраля, государь сказал Голицыну, что «пока» он решил Протопопова не устранять.

В неопределенности этого ответа было что-то жалкое. Как следовало премьер-министру понимать слово «пока»? Это было похоже на приглашение продолжать атаку на Протопопова до тех пор, пока ее невозможно будет отразить. Но простодушный и честный Голицын такого намека понять не мог, если и был намек, поэтому последствием разговора стало дальнейшее отчуждение между царем и Советом министров. Сознание, что данный в критическую минуту совет ни к чему не послужил, очевидно, деморализовало членов кабинета и подготовило их к тому повороту, который события приняли в ночь с 27-го на 28-е февраля.

Почти одновременно с новогодним приемом в Зимнем дворце, великий князь Николай Николаевич принимал местных сановников в Тифлисе. Среди присутствующих был тифлисский городской голова А.И. Хатисов. Он только что вернулся из Москвы, куда ездил в качестве делегата на съезд Союза городов и где участвовал в политических совещаниях с председателями Земского и Городского союзов — кн. Львовым и Челноковым.

По рассказу Хатисова⁵, он попросил великого князя о приеме и был принят в тот же день, в три часа пополудни. Заметив, что говорит от имени кн. Львова, Хатисов сказал Николаю Николаевичу, что в Москве готовится заговор, имеющий целью

свержение Николая II с престола и провозглашение императором великого князя. Царь должен будет отречься за себя и за сына, а императрица будет сослана в монастырь или за границу. Сразу великий князь ответа не дал, однако 3 января пригласил Хатисова во дворец наместника и там, в присутствии своего начальника штаба, генерала Янушкевича, сказал Хатисову, что от участия в заговоре отказывается. Согласно Хатисову, великий князь сомневался, что народ, «мужики», поймут необходимость свержения государя в настоящий момент, сомневался он и в сочувствии армии. Янушкевич подтвердил сомнения великого князя. Хатисов ушел и послал кн. Львову условную телеграмму: «Госпиталь открывать нельзя». Это означало, что великий князь отказался.

Популярностью у либералов великий князь стал пользоваться с момента отстранения его в августе 1915 года от Верховного Главнокомандования. Тогда же пошел не имеющий основания слух, что отстранение это совершилось происками Распутина и «темных сил».

Больше оснований имело широко распространенное убеждение, что великий князь и его миниатюрный двор на Кавказе осуждают императрицу. И было достаточно каналов, по которым слухи об этом могли дойти до государя. К примеру, кн. Шаховской, министр торговли и промышленности, посетивший Кавказ в 1916 году, был потрясен тоном, каким супруга великого князя Анастасия при всех говорила об императрице. Он счел необходимым донести об этом государю, который несколько не удивился и сказал, что все это ему давно известно⁶.

В октябре 1916 года великий князь вместе с другими членами царствующего дома пытался убедить государя пойти на конституционные уступки. 6 ноября, в Ставке, между царем и Николаем Николаевичем произошел бурный разговор. Великий князь сказал, что, не дав ответственного министерства, царь потеряет корону. Он упрекал царя в подозрительности: «Как тебе не стыдно было поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола!.. Стыдно, Ники, мне за тебя». Царь выслушал все это с тем озадачивающе апатическим видом, который через несколько недель после этого эпизода дал повод сомневаться в его вменяемости. Николай Николаевич передал весь разговор своему племяннику, великому князю Андрею Владимировичу, добавив, что у него пропала надежда спасти государя от жены и от самого себя. Обстоятельства убийства Распутина и последовавшее ухудшение политической обстановки, очевидно, подготовили почву для обращения к великому князю, и 1 января 1917 года московские заговорщики попытались этим воспользоваться при посредстве Хатисова.

Когда началась революция, ни один из них словом не обмолвился о предполагавшемся перевороте в пользу Николая Николаевича. Ничего, как будто, не слышали об этом и генералы, с которыми они были связаны. В этом нет ничего удивительного. Все они служили под началом великого князя — как главнокомандующего, — и он не был особенно популярен среди генералов. Поэтому обращение к великому князю вполне могло быть личной инициативой кн. Львова, которому не обязательно было обсуждать свой проект с другими, в частности, с Гучковым (Гучков был связующим звеном между заговорщиками и армией)⁷. Следует отметить, что упомянутый проект дворцового переворота предусматривал отречение Николая за себя и за сына. А когда царь действительно отрекся за себя и за сына, его обвинили⁸ в том, что он нарочно поступил вопреки закону о престолонаследовании, внося юридическую неточность в документы об отречении, чтобы впоследствии объявить этот документ недействительным.

Нет никаких указаний на то, что Николай Николаевич уведомил об обращении Хатисова соответствующие инстанции, хотя долг требовал именно этого. И таким образом великий князь волей-неволей становился участником заговора, имеющего целью свержение Николая II и последующее его собственное воцарение. То есть произошло именно то, от чего с такой искренностью, так клятвенно он отрекался 6 ноября. Фальшивое положение, в которое он себя поставил, немногим отличалось от положения генерала Алексева после обнаружения переписки последнего с Гучковым. Вероятно, отречение 2-го марта и с великого князя, и с ген. Алексева сняло груз причастности замышлявшемуся в Москве заговору, в который они оказались втянуты вопреки своей непоколебимой верности царю.

§ 2. Непроизнесенная речь князя Львова.

То, что произошло на новогодних приемах 1917 года в Петербурге и Тифлисе, показывает, до какой степени царь и его правительство оказались изолированы от страны в целом. Слухи о готовящемся дворцовом перевороте, которым убийство Распутина как будто давало реальное подтверждение, ограничили круг людей, на которых государь мог положиться в управлении разными правительственными учреждениями. Кроме того, общественные организации систематически бойкотировали всех, в ком видели пособников царя, почти буквально следуя принципам, изложенным в Диспозиции № 1 таинственного Комитета народного спасения, о котором говорилось выше⁹.

Но Диспозиция была написана в 1915 году, когда либералы еще надеялись склонить царя к выполнению требований Думы и общественных организаций. Теперь же, в 1917-ом, кн. Львов полагал, что разговаривать больше не о чем. В речи, которую он собирался произнести на декабрьском (1916г.) съезде Земсоюза (съезд был запрещен полицией), кн. Львов писал:

То, что мы хотели 15 месяцев тому назад с глаза на глаз сказать вождю русского народа, то, что мы говорили в ту пору шепотом, на ухо, стало теперь общим криком всего народа... Нужно ли нам называть имена тайных волхвов и кудесников нашего государственного управления и останавливаться на чувствах негодования, презрения, ненависти? Не эти чувства укажут нам путь спасения. Оставим презренное и ненавистное. Не будем растревлять ран души народной! Отечество в опасности. От Государственного Совета и Государственной Думы до последней землянки все чувствуют это одинаково... Старая государственная язва розни власти с обществом покрыла собой, как проказой, всю страну, не пощадив и чертогов царских, а страна и молит об исцелении и страдает...

В заключение князь Львов давал практические указания своим сторонникам:

Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью! Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет... Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой правительством.¹⁰

Оскорбление, которое Родзянко нанес Протопопову на приеме в Зимнем дворце, было несомненно следствием бойкота, объявленного князем Львовым.

Отказ лидера общественных организаций от любых попыток договориться с правительством привел к тому, что и в армии, и по всей стране стали вслух говорить о насильственном устранении государя. После убийства Распутина мысль о дворцовом перевороте стала овладевать умами общества, и особенно интеллигенции и полуинтеллигенции. Даже среди членов царской семьи патриотизм не означал больше верности царствующему монарху. Убийство, бунт, растаптывающий императора и его жену, по всей стране прославлялся агитаторами как подвиг, как акт патриотического самопожертвования, сравнимый с чудом о змие, с подвигом св. Георгия, освободившего страну от постыдного рабства.

Во всем этом Дума и Прогрессивный блок как таковой не играли заметной роли. У законодательных собраний, с начала декабря, был перерыв в занятиях, и никто точно

не мог сказать, когда они начнутся снова. Однако, как мы видели, председатель Думы продолжал настаивать на конституционной реформе, хотя и без всякой надежды убедить государя, расположение которого он к тому времени потерял.

§ 3. Угроза роспуска Думы.

К тому же, когда календарь отметил начало 1917 года, в переговорах между царем и Родзянко возник новый элемент. В этом году истекал срок полномочий Четвертой Думы и должны были состояться новые выборы. В прошлом, чтобы обеспечить наличие в Думе правых депутатов, правительство пускало в ход административный нажим и пользовалось содействием церковных властей. К комбинации тех же методов оно хотело прибегнуть и теперь, отпустив большие средства на широкую кампанию в печати. Штюрмер, а потом Протопопов, рассчитывали устранить из Пятой Думы не только левых, но даже тех умеренных и правых, которые показали себя такими несговорчивыми в Четвертой Думе¹¹.

Однако надвигающийся роспуск Думы пугал и наполнял Родзянко мрачными предчувствиями не только в связи с планами правительства относительно новых выборов. Созданный летом 1915 года Прогрессивный блок надеялся воспользоваться обстоятельствами военного времени, чтобы добиться долгожданных конституционных реформ. Эту кампанию должны были поддержать общественные организации, тесно связанные с думской оппозицией. Прогрессивный блок внесением законопроектов, запросами в Думе, разоблачениями противозаконных действий правительства оказал мощную поддержку общественным организациям, которые требовали для себя более широкого поля деятельности и с осени 1915 года систематически усиливались подменить правительственную администрацию во всех главнейших сферах экономики. С другой стороны, общественные организации своими демаршами и резолюциями поддерживали конституционные требования Думы, все глубже, таким образом, вмешиваясь в политическую борьбу¹².

Но если Дума будет распущена, не добившись даже скромной уступки в виде создания «правительства доверия», все усилия пойдут прахом. К моменту избрания новой Думы война может окончиться, общественные организации будут распущены, и может быть даже им придется отчитываться в реальных или вымышленных злоупотреблениях, которые могли иметь место при расходовании правительственных средств. Кроме того, те, кто так уверенно твердил, что без конституционных реформ победы не добиться, будут дискредитированы событиями и станут посмешищем в

глазах общества. Если престиж либералов упадет, это откроет дорогу реакции, и поэтому, по мнению Прогрессивного блока, такого поворота событий надо избежать любой ценой. Для Прогрессивного блока политическое поражение на этой стадии событий означало крах. Что бы ни случилось после войны, своих политических целей надо было добиваться, пока война идет, иначе ничего хорошего ждать не приходилось. Ходили слухи, что после окончания войны, особенно в случае победы, конституция 1906 года будет отменена; было известно, что бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков подготавливает царский манифест об этом. Но даже если, согласно другим слухам, сам государь по своей воле после войны и согласится на желаемые конституционные реформы, это вряд ли послужит политическим преимуществом для оппозиционеров Четвертой Думы — могут появиться новые силы, с менее радикальными социальными идеями, чем у кадетов и их союзников по Прогрессивному блоку. Вот почему либералы неустанно внушали правительству и царю, что после войны революционная деятельность возобновится с новой силой. Тогда, утверждали либералы, не только будет сметена с лица земли самодержавная власть, но и все умеренные прогрессивные силы вместе с ней, и страна будет ввергнута в анархию¹³.

Правительству были известны опасения либералов в связи с окончанием срока полномочий Думы, и оно угрожало роспуском каждый раз, когда дебаты в Думе становились особенно бурными. Теперь, когда срок полномочий истекал, угроза становилась все более реальной. Дума уже приняла кое-какие меры для защиты политического будущего некоторых из своих лидеров на случай, если роспуск состоится во время войны. Так, закон, учреждающий Особые Совещания по обороне, нарочито указывает, что члены законодательных собраний, выбранные в эти Совещания, останутся в должности даже в том случае, если Дума будет распущена или срок ее полномочий истечет. Но это правило касалось только двадцати четырех членов законодательных собраний, участвовавших в работе Особых Совещаний.

С приближением конца полномочий Четвертой Думы Родзянко приступил к кампании по отсрочке роспуска Думы до конца войны, ссылаясь на порядок, установленный в союзных странах, в силу которого всеобщие выборы откладывались до окончания военных действий. В своем последнем «верноподданническом докладе» от 10 февраля Родзянко вполне ясно на это указал. Еще раз осудив политику правительства, он обрушивался на министра внутренних дел Протопопова.

Он грозит нашу тревогу подавить пулеметами, он усиленно прибегает к арестам и высылкам, он, как никогда, стеснил печать. Если такого рода цензура будет применена и к стенографическим отчетам Государственной Думы, то это,

несомненно, снова породит те же уродливые явления, которые имели место ранее. Будут появляться апокрифические речи членов Государственной Думы возмутительного содержания, что уже имело место, и раздаваться чьей-то невидимой рукой в население и в армию, подрывая авторитет законодательного учреждения, этого единственного сдерживающего в настоящий момент центра¹⁴. Государственной Думе грозят роспуском, но ведь она в настоящее время по своей умеренности и настроением далеко отстала от страны. При таких условиях роспуск Думы не может успокоить страну, а если в это время, не дай Бог, нас постигнет хотя бы частичная военная неудача, то кто же тогда поднимет бодрость духа народа?

Кроме того, страна должна быть уверена, что во время мирной конференции правительство должно иметь опору в народном представительстве. Изменение состава народных представителей к этому времени, при полной неизвестности, какие результаты может дать эта мера, представляется крайне опасным. (Подразумеваются новые выборы). Поэтому, необходимо немедленно же разрешить вопрос о продлении полномочий нынешнего состава Государственной Думы вне зависимости от ее действий, ибо самое условие, которое ставится правительством о том, что полномочия могут быть продлены лишь в случае сохранения спокойствия Государственной Думы, является само по себе оскорбительным, так как оно доказывает, что правительство не только не нуждается, но даже не интересуется правдивым и искренним мнением страны. Таковую меру продления полномочий во время войны признали единственной и необходимой наши союзники.

Колесания же принятия такой меры нашего правительства, равным образом, как и отсрочка принятия этой меры, порождает убеждение, что именно в момент мирных переговоров правительство не желает быть связанным с народным представительством. Это, конечно, вселяет еще большую тревогу, ибо страна окончательно потеряла веру в нынешнее правительство¹⁵.

Председатель Думы выражался гораздо более ясно, когда формулировал свои требования, чем когда обосновывал их. Трудно понять, как он мог думать, — если принять во внимание неумеренный, вызывающий тон его слов, — что к его призыву продлить полномочия Думы отнесутся серьезно. Единственным сильным его аргументом была угроза революции. И Родзянко не склонен был эту угрозу уменьшить,

пообещав умерить накал думских речей, если полномочия Думы будут продлены. В конце доклада Родзянко пишет:

... никакие героические усилия, о которых говорил председатель Совета министров¹⁶, предпринимаемые председателем Государственной Думы, не могут заставить Государственную Думу идти по указке правительства, и едва ли председатель, принимая для этого со своей стороны какие-либо меры, был бы прав и перед народным представительством, и перед страной. Государственная Дума потеряла бы доверие к себе страны, и тогда, по всему вероятно, страна, изнемогая от тягот жизни, в виду создавшихся неурядиц в управлении, сама могла бы стать на защиту своих законных интересов. Этого допустить никак нельзя, это надо всячески предотвратить и это составляет нашу основную задачу.

По Родзянко выходит, что царь должен был ценить Думу как предохранительный клапан, не дающий народному недовольству вылиться в революционные действия. Но фактически именно зажигательные речи, произносимые с трибуны Думы, подстрекали недовольство народа. Возможно, либералы вполне искренне хотели избежать революции. Но они несомненно надеялись, что угроза революции, которую проводимая ими через Думу агитация приближала, раньше или позже вынудит правительство пойти на конституционные реформы и даст им в руки контроль над администрацией.

§ 4. Обращение либералов к союзникам.

Зная, как мало веса придает его докладам государь, Родзянко, стремившийся не допустить роспуска Думы, искал поддержки в другом месте. Он старался привлечь тех, кто мог растолковать ситуацию лорду Милнеру, главе британской миссии на межсоюзнической конференции, проходившей тогда в Петрограде, в надежде, что тот вмешается в пользу продления полномочий Думы. К важным документам этого периода (февраль 1917 года) относятся два письма, адресованные лорду Милнеру и написанные П.Б. Струве (7 и 19 февраля). В них ясно выражены сомнения и опасения, которые накануне революции обуревали один из наиболее острых умов России¹⁷.

В первом письме Струве возлагал ответственность за развал национального единства во время войны исключительно на правительство и на государя:

Невозможно в достаточной степени подчеркнуть то обстоятельство, что своей реакционной политикой престол ослабляет именно наиболее умеренные и культурные слои населения, выбивая почву из-под ног патриотически настроенных элементов и высвобождая государственный нигилизм. Отсюда распространенное во всей России убеждение, которое также глубоко укоренилось в офицерских кругах в армии, что конфликт между престолом и народом фактически ставит Россию лицом к лицу с государственной революцией. Патриотически настроенные элементы, в обществе и в армии, полностью отдают себе отчет в огромной исторической ответственности, которую влечет за собой внутренний конфликт во время войны, и именно это сознание объясняет полное спокойствие, царящее в стране, в которой все мыслящие люди постоянно обдумывают и обсуждают трагические трудности положения. Затруднение увеличивается еще и тем, что, по общим слухам, симпатии лиц, стоящих в непосредственной близости к престолу — прогерманские. Эту точку зрения нельзя изъять из умонастроения общественности простыми словами. Только реорганизованное правительство, организованное так, чтобы осуществлять полный контроль и пользоваться народным доверием, может очистить эту нездоровую атмосферу подозрительности и страха, которая в настоящий момент сковывает национальную энергию.

Как ни неприятно свидетельствовать перед иностранцами, хотя бы и союзниками, о таком умонастроении и таких политических условиях в своей собственной стране, такое свидетельство, тем не менее, существенно необходимо. Ибо мы должны поддерживать солидарность между союзниками, и перед этим все более или менее общепринятые соображения, возможно, необходимые в мирное время, перестают существовать.

В настоящий момент все благонамеренные и политически осведомленные люди руководствуются только одним желанием: чтобы престол не совершил непоправимый и совершенно необоснованный акт — роспуск Государственной Думы под предлогом, что ее мандат истек и что нужно провести новые выборы. Такой шаг окончательно скомпрометировал бы престол и в то же время ослабил бы консервативные государственные элементы в стране, объединившиеся в национальной цели ведения войны и ее победоносного завершения. Решительную роль в этих событиях несомненно играет теперешний министр внутренних дел, полностью утративший уважение своих сограждан, всех

взглядов и направлений, которого нельзя даже считать психически нормальным человеком.

Следует отметить, что старый клич «борьба с бюрократией» потерял смысл. В теперешнем конфликте наилучшие элементы бюрократии стоят на стороне народа.

Таково в настоящий момент положение дел в России¹⁸.

Во втором письме, от 19 февраля 1917 года (явно нового стиля), Струве писал, что не верит в «сознательный макиавеллистический расчет» некоторых советников царя, которые будто бы хотят сделать невозможным участие России в войне. Он признавал, однако, что подобная уверенность широко распространена и укоренилась в представлении общества и что конституционные изменения являются единственным средством восстановления национального единства, без которого война не может продолжаться.

Струве писал:

Ясно, что упорядоченная организация всей экономической жизни страны, организация, которая объединила бы экономию ресурсов с максимальным напряжением сил, возможна только в определенных политико-психологических условиях. Экономическая организация страны, требующая, в сущности, полного подчинения личных и классовых интересов национальной задаче ведения войны, возможна, только если будет образовано правительство, пользующееся доверием народа и способное импонировать своим величайшим внутренним авторитетом всем личностям и группам. Таким образом вопрос продовольствия... неизбежно влечет за собой в России вопрос политический. Если второй вопрос не будет разрешен, то жертвы, требующиеся от населения для дальнейшего ведения войны на ее третьем и четвертом году, будут приноситься все менее охотно¹⁹.

Две записки, которые Струве передал лорду Милнеру, явно были написаны после консультации с другими лидерами либеральной оппозиции. Сэмюэль Хор пишет об участии кн. Львова в составлении второй, аргументация первой почти не отличается от «верноподданнического» доклада Родзянко, представленного тремя днями позже.

Но почему же ухватились именно за лорда Милнера? Либеральный нажим на союзных дипломатов в Петрограде шел уже несколько месяцев. От них ждали благоприятного, с точки зрения политических требований оппозиции, влияния на царя.

И нашли отклик, как со стороны сэра Джорджа Бьюкенена, так и со стороны Мориса Палеолога. Британский посол принял на веру все, что говорили лидеры Прогрессивного блока, и с беспримерным отсутствием дипломатического такта сообщил о своих политических симпатиях царю²⁰. Без сомнения, им руководило желание предотвратить развал русской армии, которой предстояли высочайшие испытания. Но Бьюкенен ошибся в эффекте, который произвел его непрошенный и едва прикрытый совет согласиться на требования оппозиции, — совершенно так же, как он ошибался, считая либералов способными управлять страной, когда задуманные перемены совершатся. Очевидно, Бьюкенену никогда не приходило в голову, насколько неприятно царю подобное вмешательство во внутренние дела России. Единственный результат был — охлаждение между государем и британским послом.

И вот теперь на царя пытались повлиять через лорда Милнера. Умеренная позиция Струве выгодно отличалась от диких выдумок о «немецкой интриге» и саботаже правительства, поэтому в сношениях с Милнером он был лицом наиболее удобным. Если «даже Струве», который не верит слухам, считает все же, что упрямство правительства и царя наносит ущерб военным усилиям нации, то может быть представители союзников и отреагируют как-то на это.

§ 5. Вмешательство лорда Милнера.

На лорда Милнера, уставшего, недовольного, несколько не обольщающегося, записки Струве, пишет С. Хор, произвели мало впечатления. Мы, однако, располагаем русским переводом в высшей степени конфиденциального документа (записка Милнера, адресованная царю и относящаяся к последним дням его пребывания в Петрограде), в котором звучат отголоски аргументов, приводимых Струве²¹. Милнер был несравненно осмотрительнее и дипломатичнее в выражении политических оценок, чем Бьюкенен, и, вероятно, не так слепо доверял сведениям, поступившим из либеральных кругов.

Он начинает с выражений удовлетворенности по поводу решения приступить весной к согласованному наступлению, в сроки, одобренные союзниками. Вслед затем, он рассматривает вопрос о распределении между союзниками материальных затрат и о стратегических поставках в широком смысле (железнодорожное оборудование, сырье, денежные средства). Столкнувшись на конференции с непомерностью предъявленных требований, Милнер считает нужным объяснить царю, что у помощи, которую союзники могут оказывать России, есть границы, и границы эти определяются

оптимальностью использования поступающего военного снаряжения. Поэтому всякий частный факт союзнических поставок России должен учитывать следующий фактор: увеличивает ли указанная передача военного снаряжения общий военный потенциал Антанты и вероятность решительного успеха в ходе весенне-летнего наступления. После этого, уже несколько рискованно, Милнер заявляет, что союзники, предоставляя России военное оборудование, в котором сами ощущают острую нужду, должны располагать некоторой гарантией того, что собственные ресурсы России в этом отношении использованы полностью. Это ведет его, далее, к вопросу о внутренней организации военных усилий в России. Пользуясь доводами, часто употребляемыми либералами, лорд Милнер пишет:

При виде великолепной работы новых и добровольных организаций, как земство и союз городов, невозможно сомневаться в способности русского народа подняться до уровня опасности и в способности его импровизировать новые методы для устранения ее. То, что уже сделано в этом направлении в России, произвело на меня особенное впечатление, потому что это повторяет и подкрепляет то, чему мы сами научились в Англии во время войны.

Для старого оборудования явилась непосильная задача. Мы никогда не сумели бы справиться с нею без учреждения большого количества новых организаций, без привлечения на помощь чиновникам правительства общественных добровольцев, и даже без предоставления последним высоких административных постов. Речь идет о людях, которые всю свою жизнь занимались своими частными делами и не обладали никаким официальным опытом.

Вот граница, далее которой лорд Милнер не считает нужным идти в поддержании либеральных требований. Ясно давая понять при этом, что из московских либеральных кругов им получены некоторые сведения о небрежном управлении военной экономикой. И если Франция и Англия, считает лорд Милнер, достигли во время войны предела своей производительной мощи, то о России этого сказать нельзя:

Россия способна еще использовать свои собственные ресурсы. Когда я был в Москве, я слышал о фабриках, закрытых из-за недостатка рабочих рук и угля. А, однако, мне говорили, что для службы на фронте были призваны миллионы людей, которых невозможно ни обучить, ни вооружить, и которые, таким образом, были отняты у промышленности, но ничего не прибавляют к военной

мощи страны. Кроме того, на фронте именуются тысячи людей, которые были бы более полезны на рудниках или на фабриках...

Вместе с тем, хотя заводы и закрываются от недостатка угля, я убежден, что нет абсолютного недостатка угля или подвижного состава для его перевозки, но распределение и циркуляция существующего подвижного состава происходят чрезвычайно неправильно. Я лично не в состоянии подкрепить чем-либо это утверждение. Я могу только указать, что это известно мне из многих независимых источников, достойных доверия и, по-видимому, хорошо осведомленных²².

Заключает меморандум предложение, в котором еще раз отражаются сомнения лорда Милнера относительно способности русских властей извлечь пользу из помощи союзников. Он предлагает следующее: все специальное оборудование, посылаемое русским армиям, будут сопровождать технические эксперты союзных стран, и это с тою целью, чтобы оно должным образом перевозилось, доставлялось к месту назначения и использовалось на фронте. Извинения, сопровождающие это унижительное требование, говорят сами за себя. Лорд Милнер пишет:

Тут не может быть речи о вмешательстве в дела русской военной власти. Мы только просим, чтобы нам было дозволено убедиться, что передаваемый нами военный материал передается полностью, что мы передаем России не только машины, но и наш опыт в обращении с машинами, купленный довольно дорогою ценою, что эта машины попадут на фронт в возможно кратчайшее время и в таком состоянии, чтобы они могли дать, очутившись на позициях, максимум работы.

Однако, как бы осторожно и сдержанно лорд Милнер ни намекал на желательность конституционных реформ в России, в напряженной атмосфере февраля 1917 года это могло быть понято только как указание на недостаток доверия союзников к способности царского правительства повысить производительность до уровня, сравнимого с уровнем западных союзников.

В качестве спасительного средства лорд Милнер рекомендовал обращение к общественным организациям, расширение их роли в военных усилиях. Но в сложившейся обстановке, после громовых речей кн. Львова на декабрьском съезде, ясно было, что общественные организации никому не дадут работать с правительством, если только это сотрудничество не будет куплено ценою политических уступок.

§ 6. Конфликт не разрешен.

«Верноподданнический» доклад Родзянко, записки Струве, переданные Милнеру, конфиденциальный меморандум самого Милнера царю — есть итог того, во что уперлась к февралю 1917 года распря между самодержавием и либеральной оппозицией. Конфликт разрешен не был. Во всем добились успеха те, кто с 1915 года пытался сломить упорство царя путем давления, угроз и изоляции, — кроме главной цели. Они развернули гигантскую кампанию против правительства, царицы и царя в печати и в Думе, они помогли нелегальному распространению обличительных обращений и речей. Они сумели взбудоражить так называемое «образованное общество», внушив, что предательская власть вырывает у него из рук победу, которая несомненна, стоит лишь за дело взяться либералам.

Под натиском этой пропаганды пошатнулись среднее чиновничество и армейская администрация, росло осуждение начальства; эти люди готовы были подчиниться власти общественных организаций. Как сказал в своем первом письме к Милнеру Струве, «старый клич — борьба с бюрократией — утратил смысл. В теперешнем конфликте все лучшие элементы бюрократии на стороне народа».

Проникая в неграмотные народные низы и армию, эта пропаганда многое теряла в собственно политической своей сути, но оставляла осадок недоверия, оставляла подозрение, что «господа» сговорились с немцами.

Через два года после Февральской революции Струве пересмотрел свои идеи о предреволюционном положении в России, изложенные в его письмах к лорду Милнеру. В двух лекциях, прочитанных им в Ростове-на-Дону²³, Струве приписывал господствующее в Англии и во Франции непонимание русских дел недостаточности информации, поставляемой русской интеллигенцией:

Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к ее достоинству и ее историческому прошлому²⁴.

Говоря о предреволюционных днях, Струве перенес вину за разлад между правительством и либеральной интеллигенцией — на последнюю:

Когда началась война, власть и общество вели между собою более или менее открытую борьбу, а враги России учитывали эту борьбу как элемент ее слабости и гибели. Власть была ослеплена, но также, и еще больше, была ослеплена

общественность, не видевшая огромной опасности в революционизме, который просачивался в народные массы, разлагал их духовно и подготавливал крушение государства.

Когда в Государственной Думе гремели речи против правительства, ораторы Думы не отдавали себе отчета в том, что совершалось вне Думы, в психике антигосударственных элементов и в народной душе. Просто большая часть русского интеллигентного общества не понимала народа, его психологии и не учитывала трагической важности момента. Ей казалось, что она во имя патриотизма обязана вести войну с правительством. Но, конечно, сейчас для всякого ясно, что единственным разумным с исторической точки зрения образом действий была величайшая сдержанность. Это следует сказать и о Государственной Думе, и о печати²⁵.

Успех либералов в привлечении на свою сторону общественного мнения, как в России, так и за границей, нисколько не приблизил их к желаемой цели. Государь был непреклонен, отказываясь думать о политических реформах до выяснения исхода войны. Его полностью поддерживала императрица, считавшая, что победоносное завершение войны станет апофеозом царствования ее мужа, и в сиянии его будет обеспечено царствование ее горячо любимого, слабого и болезненного сына. Это была патологическая иллюзия, вскормленная многими годами сменявших друг друга надежды и отчаяния. Однако Николай II и императрица были правы, считая целесообразным отложить разрешение политического конфликта с либералами до окончания войны. Смена режима, даже при образовании «правительства доверия» во главе с Родзянко или князем Львовым, легко могла привести к каскаду внутренних политических сдвигов, которые так же усложнили бы успешное ведение войны, как фактически усложнила его революция 1917 года.

Кроме того, если бы после победы либералам и удалось возобновить борьбу с самодержавием, то те из них, кто считал победу немислимой, кто не гнушался сплетней о связи императрицы с немцами, кто утверждал, не имея к тому никаких доказательств, что премьер-министр Штюрмер предаст страну на мирной конференции, — рисковали политическим провалом и потерей престижа. До начала весеннего наступления оставалось несколько недель, и можно было надеяться, что патриотический подъем отвлечет внимание от внутренних раздоров. Если бы царь и правительство твердо держались еще несколько недель, то игра Прогрессивного блока и общественных организаций была бы проиграна.

Это, очевидно, ясно было всем участникам событий, хоть никто в том не признавался. Либералы и радикалы всех оттенков продолжали твердить, что их заботит лишь одно — исход войны, завершение последней, как тогда думали, ее стадии. И повторяли бесконечно, что без немедленной конституционной реформы победа невозможна. Однако страх военной неудачи и унижения России был, если мы не ошибаемся, лишь пристойной оболочкой другого чувства — глубокого внутреннего опасения, что война кончится победой до того, как осуществятся политические чаяния оппозиции, что возможности, предоставленные ей чрезвычайными обстоятельствами военного времени, будут упущены. Систематическая подмена этого страха (в котором заинтересованные лица не посмели бы признаться даже самим себе) другим, патриотическим, о котором можно было говорить вслух, напоминает механизм образования снов. И в самом деле, во многих отношениях (ослабление морального контроля и контроля разума, роль фантазии и словесного символа) психология революции 1917 года имеет немало общего с психологией сновиденья²⁶.

§ 7. Рабочий класс, революционеры и полиция накануне февральских событий.

В первые два месяца 1917 года драматически развивались события и в рабочих группах военно-промышленных комитетов. Мы видели, что образование этих групп сопровождалось яростным противодействием большевистских агитаторов и некоторой недоверчивостью со стороны промышленников, которые вошли в военно-промышленные комитеты. Однако политически мыслящие лидеры этой организации настаивали на необходимости рабочих групп, в которые по выборам прошли представители социалистов-оборонцев.

Возглавлял рабочую группу К. Гвоздев, человек по сути порядочный, но загнанный в угол большевистской пропагандой. Большевики обвиняли его в предательстве рабочих интересов, в том, что он «продался» империализму, и т.д., и он, защищаясь, вынужден был принять демагогические, «священные» формулы революционного жаргона, которые делали его выступления почти неотличимыми от выступлений клеветавших на него большевиков. Поэтому на Всероссийском съезде представителей военно-промышленных комитетов, который состоялся в Петрограде 26–29 февраля 1916 года, Гвоздев, выступая, по его словам, от имени рабочих групп 20-и городов, сказал, как сообщала полиция, следующее:

Хотя рабочие и стремятся к прекращению братоубийственной войны, тем не менее они являются участниками в защите тех стран, для которых война создает опасность разгрома; только этот путь ведет страну к миру без аннексий и контрибуций, предоставляющему поработенным народам самим решить свою судьбу, а не доверять это дело дипломатам; сделанное же заявление о продолжении настоящей войны в целях уничтожения германского милитаризма — неправда, так как под этим лозунгом скрывается стремление к приобретению новых земель.

Жестоко раскритиковав царский режим, Гвоздев заявил, что правительство готовит еврейский погром, чтобы отвлечь от себя народное негодование. Свою речь он закончил требованием созыва Всероссийского рабочего съезда и следующим лозунгом: «Страна в величайшей опасности — против народа и без народа нет спасения». Речь Гвоздева была встречена общими аплодисментами²⁷.

Следующие ораторы даже превзошли Гвоздева в своей революционной риторике. Абросимов (агент тайной полиции) обвинял лидеров военно-промышленных комитетов в том, что в душе они за старый режим, а не за власть народа. Делегат рабочих из Самары, некто Капцан, выступавший особенно яростно, заявил: «Мы, рабочие, не хотим, чтобы вы только словами боролись за власть. Мы знаем, как это надо делать; мы предлагаем вам, промышленникам, поддержку рабочих, невзирая на жертвы, которые нам быть может придется понести».

Согласно полиции, частные заседания рабочих групп имели место тогда же, когда и съезд под председательством Абросимова: на этих заседаниях было решено создать обширную сеть рабочих ячеек, которая будет распространять по всей стране идеи, открыто обсуждавшиеся на съезде²⁸.

Однако, как бы ни были сокрушительны и демагогичны на вид выступления Гвоздева и других членов рабочих групп, их фактические рекомендации рабочим относительно забастовок и других революционных действий имели смягчающее влияние и клонились к бесперебойной работе военной промышленности. Так, известно, что забастовочное движение, к которому подстрекали немецкие агенты и которое поддерживали петроградские большевики, провалилось главным образом вследствие сдерживающих советов Гвоздева и его друзей по военно-промышленному комитету²⁹. Очевидно, не только влияние Коновалова (и Некрасова, соратника Гучкова и главного защитника идеи рабочих групп) сказывалось в действиях Гвоздева, но может быть также и совет Керенского, который, зарабатывая популярность экстремистским

краснобайством в Думе, использовал свое влияние на то, чтобы удерживать бесперебойную работу военной промышленности.

Тайная полиция знала о сложившейся ситуации и следовала обычному своему приему: не вмешиваться в деятельность рабочих групп, но тщательно регистрировать все явно бунтарские выступления их лидеров. Полиция, разумеется, хотела собрать материал, чтобы в подходящий момент возбудить дело против рабочих вожаков. Общий тон речей и заявлений, цитированных в донесениях полиции, не был выдумкой, хотя некоторые фразы могли быть вставлены ее агентом Абросимовым. Характерно, что председатель съезда 1916 года Коновалов и председатель рабочего отдела съезда Некрасов не считали нужным предостеречь представителей рабочих от слишком далеко идущих заявлений. На съезде присутствовали представители военного министерства, заявившие Коновалову и Некрасову протест по поводу речей рабочих депутатов, указывая, что с точки зрения военных армия как институт не может противопоставляться правительству. Только после этого председатель стал настаивать на более умеренных выступлениях. Остальную часть года рабочим группам было разрешено беспрепятственно вести свою деятельность, вплоть до арестов в январе и феврале 1917 года.

Нежелание полиции вмешиваться в деятельность рабочих групп было рассчитанным. Начальник полицейского департамента сообщил 30 октября 1916 года, что

в настоящее время, благодаря призыву в войска массы партийных деятелей и распылению непризванных членов революционных партий по общественным учреждениям, работающим на оборону, — революционных организаций как таковых почти нигде не существует. Попытки отдельных партийных деятелей или небольших групп их к налажению революционной работы, пользуясь легальными возможностями (например, рабочих групп военно-промышленных комитетов), благодаря внимательному наблюдению за ними, удовлетворительно освещаются розыскными органами³⁰.

Это означало, что полиция удовлетворена результатами наблюдения за рабочими группами и что с этой стороны она не ждет никаких неприятных сюрпризов.

Однако тут решил активно вмешаться министр внутренних дел Протопопов, и 27 января 1917 года рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета в Петрограде была арестована. Истолкования этого жеста мы не находим ни в отрывочных донесениях о деятельности рабочих групп, ни в путаных показаниях

Протопопова в тюрьме, после революции. Ясно, однако, что никаких новых причин для ареста не было. Мы видели, что тайная полиция не выпускала из поля зрения рабочую группу благодаря своему агенту Абросимову, который был заместителем Гвоздева. Нам известно также, что Абросимов изображал себя перед членами рабочей группы неугомонным смутьяном и постоянно подстрекал своих сотоварищей к компрометирующим их крайним заявлениям и действиям. И поэтому гораздо вероятнее предположить, что аресты 27 января были направлены не столько против самой рабочей группы, сколько против военно-промышленного комитета как такового, и особенно против главы комитета, Гучкова, — его Протопопов имел все основания ненавидеть и бояться, ибо Гучков показал себя непримиримым и упорным врагом царской четы и всех ее сторонников. Передавая дело рабочей группы в канцелярию государственного прокурора, Протопопов явно готовил судебный процесс, который должен был показать, что Гучков возглавляет подрывную организацию. И тем самым, по мнению Протопопова, мог быть нанесен надлежащий ответный удар по оппозиции, которая твердила о пронемецких настроениях и недостатке патриотизма у правительства. Это вполне в духе Протопопова — готовить месть своим политическим врагам, ради этого арестовать рабочую группу и забыть, что таким образом он лишается средств контроля над рабочими столицы и услуг своего агента Абросимова.

Может быть, проявленный в этом случае бескрайний оптимизм Протопопова питался тем низким мнением о влиянии рабочих групп, которое высказывала охранка. И петроградские рабочие ведь на самом деле отнеслись к аресту их представителей вполне равнодушно, и это было характерно для ситуации. Может быть, в духе пословицы — «от тюрьмы да от сумы не зарекайся».

Очевидно, Гучков немедленно понял, какая опасность грозит всей его организации, особенно Некрасову и ему самому, в связи с арестом рабочей группы. Он бросился в Петроград, чтобы в требовании немедленного освобождения арестованных снискать поддержку думских кругов. Он имел постоянную связь с Гвоздевым, в отношении которого, по причине его нездоровья, полиция удовольствовалась домашним арестом. Однако с думскими лидерами у Гучкова ничего не вышло. Милюков не выказал расположения выделять вопрос об аресте рабочей группы из общей атаки на правительство как таковое, призывать рабочих к демонстрациям он считал ненужным. Более того, когда представители рабочих, с которыми он только что вступил в контакт, обратились к нему по поводу назначавшейся на 14 февраля демонстрации, он посоветовал им отказаться от нее, так как демонстрация может помешать Думе получить конституционные уступки от царя.

Петроградские большевики тоже не хотели вступаться за «предателей рабочего класса», которые по собственной вине оказались жертвами интриг своих капиталистических покровителей. Большевики Петрограда не забыли, что в 1915 году, когда судили и выслали их собственных представителей, пятерых членов Думы, им не удалось организовать демонстраций протеста и пришлось ограничиться лишь частичными забастовками, в которых приняло участие не более двух тысяч человек. Поэтому теперь у них не было особенного желания становиться на защиту меньшевиков.

И какой бы насмешкой это ни выглядело, но в выигрыше от всей этой неразберихи остались только сами арестованные члены рабочей группы. Гвоздев, которого отправили в Кресты буквально накануне революции, был освобожден демонстрантами 27 февраля и явился в Таврический дворец мучеником царского режима, торжествуя таким образом победу над поносившими его большевиками.

В конце февраля охранка определенно ждала рабочих волнений. Начальник петроградского охранного отделения генерал Глобачев сообщал министру внутренних дел, что с начала года напряженность все усиливается и что беспорядки неминуемы³¹. Однако, по мнению Глобачева, они вряд ли могли принять какое-то определенное политическое русло и имели больше шансов стать еврейским или немецким погромом, чем прелюдией революции.

Доклад Глобачева имел большую важность и заставил правительство принять меры предосторожности. В феврале был отдан приказ подтянуть свежие части к южным и юго-восточным окраинам столицы³².

В случае локальных стычек прерогатива поддержания порядка в городе оставлялась пока что за полицией, числом до шести тысяч человек. В случае же, если сил полиции окажется недостаточно, правительство намеревалось использовать непомерно разросшиеся запасные части 2-й и 3-й очереди, составлявшие к этому времени петроградский гарнизон. Эти части в основном состояли из только что мобилизованных и необученных рекрутов, пожилых запасников и вышедших из госпиталей раненых. Переполнение казарм и искушения большого города привели к ослаблению дисциплины. Офицеры служили в столице главным образом по причине какого-либо нездоровья, мешавшего им отправиться на фронт. Их назначение было временным и случайным, а их отношения с солдатами — безличны. При этих условиях они не могли поднять дух солдат или даже просто составить себе понятие об их надежности. Еще весной и осенью 1916 года были случаи, когда солдаты присоединялись к рабочим во время демонстраций на окраинах. Осенью 1916 года

полицейские власти попросили командование Петроградского военного округа вывести 181-й пехотный резервный полк из одного окраинного района, вследствие того, что тесные контакты с рабочими приобрели опасный характер и в районе готовятся стачки и демонстрации. Командующий Петроградским военным округом ответил, что полк, о котором идет речь, стал слишком многочисленным (более двенадцати тысяч человек) и что ввиду трудности расквартирования такого количества людей 181-й полк должен пока остаться на месте, а «в ближайшем же будущем, при переводах войск из Петрограда, с целью разгрузки столицы от избытка населения, 181-й пехотный запасный полк будет первым переведен из Петрограда»³³. Этот случай говорит об определенной нервозности и растерянности со стороны полиции, а также о некотором благодушии со стороны военных, которые не представляли себе политических последствий происходящего.

Кризис, созданный недостатком взаимопонимания и координации между полицией и военными властями, достиг апогея во время февральских волнений. Петроградский военный округ был выведен из подчинения генерала Рузского, главнокомандующего Северным фронтом, и передавался в непосредственное ведение военного министра, а в случае чрезвычайного положения — в ведение Совета министров. Эта мера не содействовала улучшению отношений между полицией и военными властями, которые подчинялись вновь назначенному начальнику Петроградского военного округа генералу Хабалову. Кроме того, полицейские силы, подчинявшиеся Протопопову, были сами по себе дезорганизованы. Городская полиция, тайная полиция, жандармский корпус — вот составные части сложной бюрократической машины, находившейся в ведении министра внутренних Дел. Городскую полицию только что принял новый начальник — Балк, охранное отделение было в значительной мере развалено интригами, в которые его втянули в 1916 году и кульминацией которых стало убийство Распутина. По мнению генерала Спиридовича, Протопопов был неспособен управлять ключевыми отделами своего ведомства, и они действовали на свой страх и риск.

§ 8. Изоляция государя и генералитет.

Отдаление верховного правителя от его собственного правительства завершило процесс изоляции, которому в равной мере содействовали упорство царя и систематические усилия оппозиции. Не было буквально никого, кроме жены, с кем бы царь в этот момент мог обсудить политическое положение и свои намерения. После

убийства Распутина он не доверял никому, и менее всего — тем несколькими придворным, с которыми имел дело изо дня в день. Такие люди, как дворцовый комендант Воейков или адмирал Нилов, или дежурные адъютанты, были просто знакомыми, с которыми царь мог пойти на прогулку или иногда сыграть в домино. Ни за столом, ни во время прогулок, на которых его сопровождали эти люди, политические вопросы никогда не обсуждались. Их могли затрагивать на официальных аудиенциях лишь те лица, которых вынуждал к тому служебный долг. Обсуждение, таким образом, могло иметь место, но коль скоро мнение царя было высказано, возражать ему становилось бесполезно и даже опасно. Опасно, потому что это могло нарушить доверие в отношениях между монархом и должностным лицом, доверие, в основе которого лежала идея абсолютного повиновения. Бесполезно, потому что, хотя царь вообще довольно часто менял решения, он никогда не делал этого под давлением аргументов, высказанных в ответ на непосредственно перед этим выраженную им волю. Царь, несмотря на свой ум, был нерешителен в суждениях и не доверял своей способности отстоять в споре с ловким собеседником решение, к которому он пришел после длительного обдумывания и взвесив мнения нескольких лиц, которым доверял. В последние недели его царствования число их все уменьшалось, в конце концов исключением осталась только жена, но даже и ее суждения, очевидно, не были для него несомненны. Во всяком случае, настойчиво повторяемая ею претензия быть ближайшей и самой преданной его помощницей говорит о том, что роль, которую она стремилась играть, была принята ее мужем не безоговорочно.

Разумеется, в последний момент делались попытки прорваться сквозь стену молчания, которой окружил себя царь, и объяснить ему необходимость политических перемен. После ухода с должности начальника штаба Верховного, генерал Гурко был принят 13 февраля в Царском Селе. Он впоследствии утверждал, что самым решительным образом высказался за немедленное проведение конституционной реформы. Гурко, вероятно, выдвинул много убедительных доводов, особенно ввиду того, что только что председательствовал на конференции союзников. Ему дали понять, что в его услугах не нуждаются. В дневниковой записи за этот день царь просто жалуется, что Гурко задержал его так долго, что он опоздал на вечерню³⁴.

В известном смысле, обращения, подобные обращению Гурко, были на этой поздней стадии развития событий очевидно бесполезны. Все «за» и «против» относительно немедленной конституционной реформы и образования «правительства доверия» были за последние месяцы представлены и обговорены в многочисленных записках и докладах. Образование «правительства доверия» считалось панацеей,

которая излечит все недуги: недостатки снабжения, военную слабость, экономическую и социальную смуту.

Однако, большинству тех, кто предлагал эту меру, — и самому царю, — было ясно, что главная ее цель заключается в том, чтобы заставить его отказаться от неограниченной власти в назначении министров, а надежда на то, что благодаря этой перемене трудное положение в стране изменится к лучшему, обоснована слабо. Близилось критическое лето 1917 года, в перспективе которого виделся решительный, вкупе с союзниками, рывок на фронте, и Николай II полагал, что перемены в правительстве и администрации — которые неизбежно сосредоточат внимание общества на внутривнутриполитических спорах — противоречат здравому смыслу. Либералы же, как кн. Львов, все отчетливее ощущали, что если политическая цель, к которой они стремились с 1905 года, не будет достигнута в условиях войны (благодаря которой в их руках оказывались средства нажима), то их дело будет проиграно и будущие пути России определятся независимо от их идей и стремлений. Они поэтому удвоили усилия и сумели в феврале 1917 года — второй раз за время войны — убедить большинство членов Совета министров, что правительство не сможет успешно вести войну, если в политических уступках будет отказано.

На этот раз, однако, никаких тайных сношений между министрами и думской оппозицией не было. Убеждение, что царь не сможет больше противиться политической реформе, было настолько прочно, что даже в хорошо осведомленных правительственных кругах Петрограда многие верили: когда 14 февраля откроется сессия Думы, царь выступит и вдруг объявит об образовании «правительства доверия», или об образовании правительства, ответственного перед Думой.

Подобно многим людям, которые страдают отсутствием воли, царь, всякий раз, когда ему приходилось принимать решение, испытывал желание сравнить аргументы двух диаметрально противоположных концепций. То же самое произошло и перед его отъездом в Ставку, который последовал 22 февраля. Внимательно выслушивая Гурко и других защитников конституционной реформы, он поручил в то же время министру внутренних дел Маклакову разработать план отмены конституции и даже подготовить соответствующий манифест. Эти метания между взаимоисключающими позициями говорят о том, что у царя никогда не было ясно очерченной политической программы, осуществление которой он считал бы своим долгом и обязанностью. Конечно, был долг самодержца, он налагался обещанием, данным умирающему отцу. Кроме того, в сохранении самодержавия царь видел единственный путь, на котором можно избежать национальной катастрофы, — причем, убеждение это подкреплялось невысокой

оценкой честности и способностей лидеров оппозиции, а также мистической верой императрицы, в нерушимой крепости самодержавия видевшей залог будущего порядка, который позволит ее болезненному (и потому несколько отсталому) сыну в сохранности получить корону предков.

Николай II был в положении капитана, который считает, что его долг — оставаться у штурвала, даже если ясного и определенного представления, куда плыть, у него нет. Для царя «остаться у штурвала» — означало сохранить prerogatives самодержца в назначении министрами тех лиц, которым он доверял. Этой ответственности он не хотел делить ни с кем, даже, как правило, с женой. Основным качеством тех, на кого падал выбор, была преданность. Под этим разумелось гораздо больше, чем верная служба. Требовалось абсолютное повиновение. Добавочное преимущество создавало отсутствие каких бы то ни было твердых политических убеждений, которые могли прийти в столкновение с мнением самого царя (он мотивы своих решений приводить министрам отказывался). В такой атмосфере конфликт между честолюбивыми, умными, самоуверенными людьми и их государем рано или поздно возникал неизбежно, но таков и был характер отношений царя со многими его министрами.

Во время войны, однако, Николай II, будучи Верховным Главнокомандующим, впервые имел тесные деловые контакты с людьми, постоянно занятыми решением проблем жизненной важности, с людьми такого профессионального уровня, который освобождал их от произвола царских решений. Ибо царь безусловно сознавал пределы своих возможностей. Хоть генералы и склонны вообще винить высшее начальство в неудачах военных операций, никто из подчиненных Николая II не мог пожаловаться, что он вмешивался в решение вопросов чисто военных. И несомненно Гучков и его политические соратники проявили немалую ловкость, сумев вовлечь генералов, большей частью прошив их воли, в свою борьбу, — ими пользовались как средством нажима, они добивались (без особого энтузиазма, но тем не менее открыто) тех уступок, которые требовались, рассказ Гурко об аудиенции 14 февраля и поведение главнокомандующих в первые дни марта показывает, что Гучков хитро и обдуманно приводил генералов именно к такой позиции, в которой они были ему нужны, когда он, сочтя все легальные средства нажима использованными, готов будет применить неконституционные методы, чтобы силой добиться своего³⁵.

§ 9. Возвращение генерала Алексева и государя в Ставку.

Закулисные маневры Гучкова заставляют задуматься о том, почему в середине февраля 1917 года Алексеев вернулся в Ставку, и тем более — почему неделей позже отбыл из Царского Села в Ставку царь.

Алексеев отсутствовал по болезни в течение трех месяцев, и хотя состояние его как будто улучшилось, он не был вполне здоров. Но если Алексеев надеялся лично руководить намеченным к весне наступлением, то у него были все основания поспешить с возвращением в Ставку. Он знал, что Гурко принял меры к перетасовке армии, с тем чтобы на треть увеличить количество фронтовых дивизий³⁶. Алексеев не одобрял этих мер. Возможно, что возвращение в Ставку, казавшееся преждевременным вследствие его нездоровья, было вызвано необходимостью остановить реформу Гурко и заняться разработкой предстоящих весенних операций.

Через неделю после того, как Алексеев вернулся в Ставку, из Царского Села отбыл в Могилев царь. Из имеющихся источников неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии Верховного Главнокомандующего. Баронесса Буксгевден, в то время фрейлина императрицы, в своих мемуарах совершенно определенно говорит, что государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексеева, не зная, в чем именно заключается спешное дело, требующее его присутствия³⁷. Это обстоятельство обретает известное значение в связи с показанием Гучкова Муравьевской комиссии, что дворцовый переворот намечался на март и что для осуществления его предполагалось захватить императорский поезд по дороге между Петроградом и Могилевом. Была ли просьба Алексеева (он мог и не знать, что эта просьба передана царю) частью подготовки к перевороту? Во всяком случае, в этот момент никаких особо важных решений в Ставке, как будто, не принимали, и, судя по письмам Николая II жене, он надеялся скоро закончить текущие дела и вернуться в Петроград. Нет также указаний на то, что правительство, то есть Совет министров, или персонально кто-либо из министров, возражал против отъезда в Могилев. Напротив, министр внутренних дел Протопопов щеголял агрессивной самоуверенностью. Несмотря на все более тревожные донесения начальника петроградского охранного отделения Глобачева, Протопопов считал, что сумеет справиться с любыми демонстрациями с помощью полиции, используя, если понадобится, в достаточном количестве находящиеся в столице войска³⁸.

Совершенно обратно тому рисовалась обстановка генералу Спиридовичу, о чем свидетельствуют оставленные им и изданные посмертно воспоминания³⁹. Приехав в Петроград во второй половине февраля, он окунулся в атмосферу ходивших по всему городу слухов, но нигде они не изобиловали в таком количестве, как в управлении

тайной полиции, где тогда у него было много друзей и знакомых. Спиридович описывает опасность сложившейся в Петрограде ситуации и совершенную неспособность министра внутренних дел, пребывавшего в состоянии непонятной эйфории, с этой ситуацией справиться. Спиридович видел дворцового коменданта Воейкова⁴⁰ и предупреждал его, что при создавшейся конъюнктуре государю опасно покидать столицу. И действительно, в свете последующих событий отъезд императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим величайшие последствия. Неудовлетворительность средств связи препятствовала обмену информацией между людьми, решения которых определяли ход событий. Не было никакой возможности контролировать надежность и точность поступающих из столицы в Ставку донесений — в ту пору, когда своевременная и полная информация была важнее всего. Отсутствие императора на сцене разыгрывающихся событий привело к совершенному непониманию между ним и его министрами, о чем свидетельствует последняя телеграмма Николая II, в которой он приказывает министрам оставаться на своих местах, в то время как некоторые из них уже скрывались. Более того, если бы император оставался в Царском Селе, то встреча с Родзянко, назначенная на 28 февраля, вероятно, состоялась бы и отвела политический ураган, готовый пронестись над Петроградом. И наконец, могло не быть гнетущих сорока почти часов пути через заснеженные равнины России, при том что каждую минуту события в столице принимали новый оборот; равно как могло не быть рокового личного вмешательства в драму со стороны генерала Рузского. Все это сказано не для того, чтобы утверждать, что исход февральского кризиса мог бы быть другим. Ни об этих, ни о любых других событиях историку нельзя писать с точки зрения «что бы было, если бы». Но историк не может также считать не относящимся к делу такой факт, как отъезд императора в Могилев; на общий ход событий он повлиял ничуть не меньше, чем, например, восстание роты Волынского полка 27 февраля.

Императорский поезд вышел из Царского Села в направлении Могилева вскоре после полудня 22 февраля. Если бы он на сутки задержался, то корь, которой заболели царские дети, особенно опасная для Алексея, могла бы еще отсрочить поездку; однако ясно, что царь решил ехать, движимый чувством долга перед теми, кто был на фронте, и ему было бы морально трудно отказаться от поездки «по чисто семейным обстоятельствам». И на этот раз проявилась характерная черта его поступков — их диктовало чувство священной, ритуальной непреложности.

Путешествие было тревожное, и приезд в Ставку немного снизил напряжение. Генерал Дубенский, исполнявший несколько причудливую должность официального

историографа при Верховном Главнокомандующем, отметил в своем дневнике: «Наступила спокойная жизнь, как для государя, так и для всех нас. От него не ожидается ничего, никаких изменений»⁴¹.

Упоминание о возможных изменениях было определенно связано со всеобщим ожиданием, что император внезапно объявит об образовании правительства, ответственного перед Думой. Впоследствии, в мемуарах, опубликованных в 1922 году, Дубенский дал несколько иное впечатление о первых часах возвращения государя в Ставку: С первого часа прибытия государя чувствовалась странная неуверенность относительно грядущих событий. Но это не касалось военного порядка в Ставке, а только общих условий государственной жизни в России»⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 9

¹ Шаховской, ук. соч. (см. прим. 4 к гл. 7), стр. 197: «Все гости собрались, ожидая появления его величества во дворце, искали предназначенные им места и стояли группами, ведя разговор. В одной из этих групп я увидел грузную фигуру Родзянко. Протопопов подошел к нему с пожеланиями счастливого Нового Года и протянул ему руку. Невежливый Родзянко, даже не повернувшись, провозгласил громким голосом: «Уйдите, не прикасайтесь ко мне». Я стоял в нескольких шагах от него. Я видел все это собственными глазами и слышал собственными ушами. Об этом инциденте стало известно повсюду во дворце, и к вечеру о нем говорил весь Петроград».

² Nicolas II, Emperor. The Letters of the Tsar to the Tsaritsa. 1914–1917. Ed.C.E. Vulliamy, London, 1929. См. письмо от 10 ноября 1916 года на стр. 297.

³ Протокол этого заседания см.: Шляпников, ук. соч. (см. прим. 55 к гл. 5), ч. 2, стр. 115–124.

⁴ Протопопов потом говорил, что просил государя разрешить ему вызвать Родзянко на дуэль, но что в этом ему было отказано. Родзянко, как всегда несколько грубо, сам рассказал государю об инциденте в Зимнем дворце во время следующего их свидания — будучи принят царем 10 января. Родзянко делал против Протопопова личный выпад, говоря, что не может уважать человека, проглотившего такое оскорбление. Тогда же Родзянко просил у государя прощения за свое поведение во дворце. Родзянко сказал, что Протопопов даже не подумал ему ответить — на это государь лишь осклабился и промолчал. В напряженной атмосфере этой встречи подобная улыбка говорила о большем, чем простой выговор. Самая безнаказанность, с какой допускали клеветать на членов правительства и оскорблять их, таила угрозу расплаты, которая наступит не раньше, чем прояснятся дела на фронте и победа будет обеспечена.

⁵ Спиридович, ук. соч. (см. прим. 1 к гл. 5), т. 3, стр. 14 и далее.

См. также статью С. Смирнова в русской парижской газете «Последние Новости» от 22 апреля 1928 года.

Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. — стр. 105 и далее.

⁶ Шаховской, ук. соч., стр. 181.

⁷ О московских заговорщиках см. у Мельгунова — «На путях к дворцовому перевороту».

⁸ Обвинил Милюков — см. гл. 12, § 9.

⁹ См. гл. 8, § 2 и далее.

¹⁰ Текст речи, подготовленной кн. Львовым, можно найти в приложениях к воспоминаниям Шляпникова (см. прим. 3), во 2-м томе.

Милюков в своих воспоминаниях (см. прим. 5 к гл. 8) приводит несколько отличную версию.

¹¹ О подготовке к выборам в Пятую Думу см. документы, опубликованные Семенниковым. — Семенников, ук. соч. (см. прим. 41 к гл. 8), стр. 233 и далее.

¹² См. гл. 1, §§ 2и3.

¹³ См. изложение этих доводов в письме Гучкова Алексееву, приведенном выше: гл. 8, § 5 и далее.

¹⁴ Здесь Родзянко особенно неискренен. Речи антиправительственного характера, подобные выступлению Милюкова 1 ноября 1916 года, не были «апокрифическими». Их публикация, разумеется, не допускалась цензурой, но председатель Думы сам отказался выдать Штюрмеру направленную стенографическую запись речи, которая была нужна Штюрмеру для того, чтобы начать дело против выступавшего. «Невидимая рука», содействовавшая распространению речи в обществе и армии, был Гучков, организовавший дело в таком масштабе, что говорили, что в России не было пишущей машинки, не использованной для переписки милюковской обличительной речи. Разумеется, верно, что думские круги были более умеренны, чем некоторые газеты и некоторые революционные организации, но воздействие сказанного в Думе было гораздо более сильно, чем все, что могла написать левая печать, и потому неверно, что речи членов Думы служили «сдерживающим началом».

¹⁵ Из последнего «верноподданнического доклада» Родзянко — АРР, VI, 1922, стр. 335.

¹⁶ Незадолго до этого кн. Голицын употребил это выражение, пытаясь склонить Родзянко к примирению.

¹⁷ П.Б. Струве был известным членом кадетской партии, он занимал пост председателя комитета по экономической блокаде Германии, подчиняясь кн. Шаховскому. Должность связывала его с молодым британским дипломатом Сэмюэлем Хором, через которого и были переданы две записки лорду Милнеру, цитируемые в тексте. Сэмюэль Хор впоследствии опубликовал их в книге воспоминаний «The Fourth Seal» (Лондон, 1930). В девяностые годы Струве был одним из выдающихся деятелей раннего марксистского движения в России. Впоследствии он стал издателем влиятельного органа радикальной русской интеллигенции «Освобождение», выходившего в Штутгарте. Разочарование в теоретическом и философском содержании марксизма и отвращение к революционной практике привели Струве в кадетскую

партию, именно в ее правое крыло. Как ученый и публицист, он считал уместным сообщить свою точку зрения на текущие дела лорду Милнеру и Сэмюэлю Хору.

¹⁸ Hoaiе, sir Samuel. *The Fourth Seal*. London, 1930, pp. 189-191.

¹⁹ Там же, стр. 194, 195.

²⁰ Особенно во время последнего его свидания с царем — 30 декабря 1916 года (12 января 1917 года по новому стилю). См.: G. Buchanan. *My Mission to Russia*. London, 1923, vol. II, ch. 22.

²¹ Полный текст по-русски — у Семенникова, ук. соч., стр. 77-85.

²² Один из них определенно был Струве, который настаивал, что нация должна объединить резервы военной и рабочей силы — об этом лорд Милнер тоже упоминал в своем меморандуме.

²³ Опубликованы в брошюре под названием «Размышления о русской революции» (София, 1921).

²⁴ Там же, стр. 9.

²⁵ Там же, стр. 33.

²⁶ Это необычное толкование революционной психологии было дано учеником Фрейда Н. Е. Осиповым в статье «Сон и революция» — «Труды русского народного университета», Прага, 1931.

²⁷ Флеер, ук. соч. (см. прим. 21 к гл. 1), стр. 285 и далее.

²⁸ Флеер, ук. соч., стр. 291.

²⁹ См. гл. 5, § 6.

³⁰ Граве, ук. соч. (см. прим. 7 к гл. 1), стр. 138 и далее.

³¹ Е. Мартынов. *Царская армия в февральском перевороте*. М., 1927. — См. также Граве, ук. соч., стр. 188 и далее.

³² Мы не нашли достоверного подтверждения позднейшим утверждениям Протопопова о том, что приказ царя об отправке с фронта кавалерийских отрядов был намеренно саботирован генералами, включая Гурко, и что вместо этого к городу были подтянуты менее надежные части.

³³ Флеер, ук. соч., стр. 309.

³⁴ См. выше, гл. 3, § 5, и дневник государя за 13 февраля 1917 года.

³⁵ О личных контактах в это время между генералом Гурко и Гучковым известно мало. Императрица, которая внимательно следила за попытками Гучкова получить поддержку Алексева, предостерегала государя, когда Гурко стал исполняющим должность начальника штаба, не давать ему поддерживать связи, подобные тем, которые имел Алексеев (несмотря на то, что он это отрицал) с председателем Центрального военно-промышленного комитета. Императрица могла не знать, что отношения между Гурко и Гучковым чрезвычайно давние. См. гл. 3, § 3.

³⁶ См. гл. 3, § 5.

³⁷ Baroness Sophie Buxhoevden. *The Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia. A Biography.* London, 1928, p. 248. — См. также: В.Н. Воейков. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936, стр. 192.

³⁸ См. гл. 9, § 7.

³⁹ Спиридович, ук. соч., том III, стр. 63 и далее. Генерал Спиридович был назначен в 1916 году в Ялту, на должность, соответствующую должности военного коменданта. Накануне февральских событий он приехал в Петроград, главным образом для того, чтобы обсудить вопрос — как мостить улицы Ялты: булыжником или асфальтом.

⁴⁰ Это подтверждается в мемуарах Дубенского — «Русская Летопись», Париж, 1922, № 3, стр. 18 и далее. — Подтверждается и самим Воейковым, ук. соч., стр. 197 и далее.

⁴¹ См. ук. соч. Е. Мартынова.

⁴² Ген. Дубенский. Как произошел переворот в России. Записки-дневники. — «Русская Летопись», Париж, 1922, № 3, стр. 11–111.